

И. Р. ШАФАРЕВИЧ

Русский народ в битве цивилизаций

Коммунизм

Я не буду вдаваться в тонкости, различающие понятия коммунизма и социализма, мне и самому они не очень ясны. Напротив, я постараюсь охарактеризовать в общих чертах «социалистически-коммунистическую идею», пользуясь терминами «социализм» и «коммунизм» как синонимами.

Очень важно иметь в виду, что идея эта (как бы она ни называлась) вовсе не продукт последних веков, не идеология пролетариата, возникшего в результате промышленного переворота в Западной Европе. Наоборот, она очень древнего происхождения, то есть относится к числу основных концепций, «архетипов» цивилизованного человечества. Ее законченное, глубоко продуманное изложение известно нам уже из сочинений Платона¹ в IV веке до Рождества Христова.

Платон обсуждает вопрос: как *построить* идеальное государство? Это очень характерно: и всюду впоследствии социалистическая концепция возникает как результат индивидуального рационального мышления, как социальное «изобретение», подобное паровозу или телевизору. Ее можно назвать идеей религиозного масштаба — но лишь в смысле масштаба ее воздействия на людей, способности увлекать их. Возникает же она принципиально другим путем, чем религия или национальное чувство. Двумя тысячелетиями позже Платона Бухарин² пишет: «Капитализм не строили, а он строился». Наоборот, «процесс строительства коммунизма является в значительной степени сознательным, то есть организованным».

Платон начинает с утверждения, что величайшее благо для государства — это единство среди его граждан, «когда чуть ли не все граждане одинаково радуются или печалются». А главное препятствие для этого то, что «невпопад раздаются возгласы: “Это — мое!” или “Это — не мое!”. И то же самое насчет чужого». То есть, говоря современным языком, — частная собственность. И Платон решительно заявляет, что ради блага государства частная собственность должна быть упразднена. Но вопрос не такой простой. Надо решить, *какая именно* частная собственность отрицательно действует на общество. Отношение *к чему именно* («Это мое») препятствует единству государства: к моей руке, моему дому или к моим акциям, полученным по наследству от родителей? И центральным тут является вопрос: обладает ли человек частной собственностью на себя или он сам должен рассматриваться как собственность общества? А остальные аспекты частной собственности либо подкрепляют и реализуют то положение, что человек ничьей собственностью не является, либо, наоборот, являются болезненными искажениями такой установки.

Платон занимает самую крайнюю позицию: человеку не принадлежит *ничего*, а сам он *целиком принадлежит* государству (надо отметить, что он подробно говорит лишь об элите описываемого им общества — о тех, кого он называет «стражами»). Стражи живут и столуются вместе. Платон пишет: «...у них не будет никакой собственности, кроме своего тела». Но он идет и дальше. Ведь «моя жена», «мой муж», «мой ребенок» — это тоже «мое». С характерным для него интеллектуальным бесстрашием Платон планирует изгнать из общества и эти отношения. Определенным мужчинам и женщинам разрешается на время соединяться, чтобы произвести детей по решению лиц, стоящих выше в иерархии общества. Дети воспитываются все вместе и не знают своих родителей, а те — своих детей. Религия, мифы, искусство подвергаются жесткой корректировке и цензуре с целью воспитания качеств, необходимых государству.

Более чем за две тысячи лет, прошедших со времен Платона, никто к этой идеологии ничего принципиально нового не прибавил. Она многократно переизлагалась, в чем-то смягчалась ее отпугивающая прямолинейность, она приспособлялась к особенностям других времен. Но основная идея была та же. Зато много разных мыслей было высказано о том, *каким путем*

можно воплотить в жизнь этот идеально сконструированный общественный строй. Сам Платон надеялся, что это произойдет, когда на троне окажется «царь-философ». Но в результате двухтысячелетней эволюции этой идеологии доминировать стала точка зрения, что она будет претворена в жизнь массовым восстанием, которое подготовит и возглавит меньшинство наиболее преданных и последовательных сторонников идеологии (как бы те же «стражи» Платона). Вехами этих поисков являются «Утопия» Томаса Мора³, «Город Солнца» Кампанеллы⁴, учения Сен-Симона, Фурье, Бакунина, Маркса и Ленина и много других вариантов⁵. Но ядро учения, привлекавшее к нему, было одно: это ощущение человека как элемента грандиозной государственной или партийной машины, построенной из человеческих компонент, многомиллионной *мегамашины*. Чтобы стать таким элементом, человек должен от многого отказаться, но зато, идеально вписавшись в ритм машины, слившись с нею, он получает сверхчеловеческие возможности, власть над людьми и способность вершить историю.

Наиболее яркое изложение этой «социалистической идеи» принадлежит, по-моему, Г. Пятакову⁶. Исключенный из партии как троцкист, он потом был принят обратно, временно занимал довольно высокие посты и, в частности, возглавлял советскую торговую делегацию в Париже. Там он встретился со своим бывшим товарищем по партии Н. Валентиновым⁷. Валентинов записал их разговор и много лет спустя опубликовал его. Нервно ходя по кабинету и зажигая одну папиросу за другой, Пятаков изложил ему такие мысли. Напомнив ленинское определение диктатуры пролетариата как «власти, опирающейся на насилие», он разъясняет, что здесь насилие, осуществляемое над другими, — самая тривиальная сторона. Суть дела — в насилии, осуществляемом над собой. «Мы должны пожертвовать и гордостью, и самолюбием, и всем прочим», «мы выбрасываем из головы все ею (партией) осужденные убеждения, хотя бы мы их защищали, находясь в оппозиции». «Категория обыкновенных людей не может сделать мгновенного изменения, переворота, ампутации своих убеждений» — «легко ли насильственное выкидывание из головы того, что вчера еще считал правым, а сегодня, чтобы быть в полном согласии с партией, считать ложным? Разумеется, нет. Отказ от жизни, выстрел в лоб из револьвера — сущие пустяки перед другим проявлением воли, именно тем, о котором я говорил».

Люди, усвоившие эту психологию насилия над собой, оказываются тем более способными применить насилие к другим людям в масштабах, казавшихся ранее невозможными. Тут вступает в силу другая часть ленинского определения диктатуры пролетариата: «...власть, осуществляемая партией, опирающаяся на насилие и не связанная никакими законами». Вот в последних словах Пятаков и видит основной смысл этой формулировки. «Закон есть ограничение, есть запрещение, установление одного явления возможным, другого невозможным». От этого-то и следует отказаться. Так возникает партия, «несущая идею претворения в жизнь того, что считается невозможным, неосуществимым и недопустимым». «Для нее область возможного действия расширяется до гигантских размеров, а область невозможного сжимается до крайних пределов, до нуля». Ради чести и счастья быть в ее рядах люди идут на те жертвы, которые описаны выше.

Я уверен, что это идеология не одного только Пятакова, а той партийной элиты, к которой он принадлежал. Недаром и Сталин⁸ однажды назвал партию «своеобразным орденом меченосцев», хотя такая поэтическая фразеология была ему совершенно не свойственна. И Бухарин называет партию «революционным орденом». Эта концепция обычно подкреплялась взглядом на всю Вселенную как на механизм, функционирующий, как и общество, по механическим «законам прогресса, подтвержденным новейшими достижениями науки», или по «законам диалектического материализма». Возникал взгляд, претендующий на истолкование с единой точки зрения всего бытия — в этом смысле претендующий занять место религии. Но в буквальном смысле эта идеология религией не является, так как абсолютно «посюстороння».

Эта «социалистическая идея» обладает необычайной притягательностью для проникшихся ею людей. История показывает нам многочисленные примеры революционеров, идущих на смерть или каторгу, коммунистов, осуществляющих вооруженной рукой подрывную работу с риском быть растерзанными крестьянами, и т. д. Да это же видно в цитированном монологе Пятакова. В другой его части он говорит: «Я слышал следующего вида рассуждения... Она (партия) может жестоко ошибаться — например, считать черным то, что в действительности явно и бесспорно белое... Всем, кто подсовывает мне этот пример, я скажу: да, я буду

считать черным то, что считал и что могло мне казаться белым, так как для меня нет жизни вне партии, вне согласия с ней...» Многие из того слоя партийной элиты, к которому принадлежал Пятаков, подтвердили делом его слова. Они проявили бешеную энергию на фронтах Гражданской войны, но безропотно пошли на гибель, когда так решила партия. И многие из них действительно заявили, что «считали черным то, что казалось белым», признав на показательных процессах обвинения, иногда, бесспорно, выдуманные. (При самой крайней подозрительности по поводу бывших революционеров — «революцию не делают в белых перчатках» — многие самообвинения были фактически опровергнуты или просто бессмысленны.)

XX век отличается тем, что в это время во многих странах осуществляется попытка построить государство на основе социалистической идеи. Само по себе это в истории — не новость. Государства, построенные по такому принципу, существовали в разное время в Месопотамии, Древнем Египте, Древнем Китае, в Перу до испанского завоевания, в государстве, организованном иезуитами в Парагвае, и т. д. Это было многократно описано историками, о чем говорят хотя бы названия книг: «Государственный социализм в XV веке до Р. Х.», «Коммунистическая христианская республика Гуарани» и др. Но в XX веке социалистические революции потрясли весь мир. Конечно, центральным событием была революция в России. Но одновременно были социалистические революции в Баварии и Венгрии, позже — в Китае, на Кубе, во Вьетнаме и в Камбодже. Это был мировой кризис, эпицентр которого находился в России.

Признаком всемирного характера социалистического движения в XX веке была и та моральная поддержка, которую большая часть западной интеллигенции оказывала Советскому Союзу (а позже — маоистскому Китаю и Кубе).

В грандиозных переворотах, связанных с социалистическими революциями XX века, с той «социалистической идеей», которую я попытался сформулировать выше, смешивались и к ней присоединялись внешне схожие, но принципиально отличные элементы жизни — такие как навыки коллективных форм труда, требования социальной справедливости и т. д. Например, в русской общине земля время от времени подвергалась переделу. Однако на земле, выделенной ему, крестьянин хозяйствовал

самостоятельно, решая, где и что ему сеять, когда убирать, когда свозить... То есть труд его носил творческий характер в сотрудничестве с природой. Это была форма хозяйствования, по духу противоположная «трудовым коммунам» времен «военного коммунизма» и колхозам более позднего времени. Или, в другом случае, когда английское лейбористское правительство после Второй мировой войны, опираясь на высокие налоги на капитал, развернуло широкую программу социального обеспечения, включая бесплатную медицинскую помощь и бесплатное снабжение лекарствами, — то основой все же оставался капитал, прибыли которого облагались высокими налогами. Наоборот, партии ортодоксально-социалистического толка, например коммунистические, всегда относились подозрительно к такой борьбе за улучшение социальных условий трудящихся, называя ее «тред-юнионизмом», «борьбой за пятак», «экономизмом» или «подкупом верхушки рабочего класса».

Во всех известных попытках осуществления коммунистического идеала вслед за эпохой радикальных преобразований следует период компромиссов и отказа от крайних принципов. В одной статье В. Г. Распутина⁹ о коммунизме, его роли в истории России говорится: «Призванный погубить страну, он постепенно стал державником, на свой, разумеется, твердолобый и непререкаемый манер, которому не близко до желаемого блага». Мне кажется, что здесь намечается и более широкая, и очень плодотворная мысль. Если говорить о наших «трех идеях», то и «коммунистическая идея», и русская «национальная идея» существовали в XX веке не в каких-то разных пространствах и даже, большую часть времени, не разделенные фронтом. Власть в России была коммунистической. Но национальная русская традиция имела за плечами тысячу или тысячи лет и не могла внезапно исчезнуть. Обе «идеи» влияли друг на друга и видоизменяли друг друга.

Собственно, я думаю, привившийся термин «советская власть» подразумевает, конечно, не «власть Советов» — они были подчинены партии, — а ту именно реальную форму, которую «коммунистическая идея» приняла в России под влиянием многообразных воздействий жизни, и в частности русской национальной традиции. Вот именно протекавший в реальной жизни процесс взаимодействия этих двух фундаментальных идей и важно рассмотреть. Следующая часть работы содержит некоторые соображения на эту тему.

Революция и Гражданская война

Конечно, вопрос не новый. Разные точки зрения можно найти, например, в «круглом столе» («Наш современник», 1997, № 11), состоявшемся в связи с 80-летием Октябрьской революции.

Один из ответов, предлагавшихся на сформулированный выше вопрос, заключается в том, что как раз в XX веке «коммунистическая идея» и «национальная русская идея» практически совпали. Согласно этому взгляду, коммунистическая революция реализовала чаяния подавляющего большинства русского народа. Буржуазно-масонская Февральская революция развалила Россию. Гражданская война была навязана контрреволюционными генералами и Антантой, но она была одновременно процессом «собрания России» новой властью.

Мне кажется, что в этой точке зрения фактами подтверждается только то, что относится к Февральской революции. Она действительно разрушительно подействовала на страну. Но как только вслед за революцией активизировалась большевистская партия, она включилась именно в эту разрушительную деятельность и играла в ней наиболее активную роль. Октябрьская революция логически предполагала гражданскую войну. Партия, совершающая революцию, берет тем самым на себя ответственность за возникающую потом гражданскую войну, если речь идет не о смене одного монарха другим, а об изменении всего экономического и политического уклада. Но в данном случае положение еще более ясное. Едва прошел один месяц с начала Первой мировой войны, как Ленин уже сформулировал свой лозунг о превращении войны империалистической «в беспощадную гражданскую войну». Он и дальше его постоянно пропагандировал. И в этом он был принципиален и последователен как марксист. Маркс писал: «Мы говорим рабочим: вы должны пережить 15, 20, 50 лет гражданской войны и международных битв, и не только для того, чтобы изменить существующие отношения, но чтобы и самим измениться и стать способными к политическому господству». То есть гражданская война рассматривалась как метод создания «нового человека».

Еще в январе 1918 года, когда гражданской войны не было, Крыленко¹⁰ говорил на III съезде Советов: «Красная армия в пер-

вую очередь предназначена для войн внутренних». Бухарин писал: «Пролетарская революция есть... разрыв гражданского мира — это есть гражданская война <...> в огне гражданской войны сгорает общенациональный фетиш». Он негодует, что Каутский¹¹ ужасается по поводу «самой страшной» гражданской войны, называя это «чудовищным ренегатством». Или Свердлов¹² на заседании ВЦИКа четвертого созыва ставит задачу: «...расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря <...> разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городах <...> только в том случае сможем мы сказать, что мы и по отношению к деревне сделали то, что смогли сделать для городов».

Таким образом, идея гражданской войны принадлежит к числу основных концепций, принятых руководством большевистской партии, — это, собственно, была та форма, которую классовая борьба принимала в эпоху пролетарской революции.

Еще до Октябрьской революции параллельно разработке и внедрению идеи гражданской войны развивалась идея борьбы за поражение своего правительства в идущей мировой войне. Ленин писал: «Русские социал-демократы были правы, говоря, что для них меньшее зло — поражение царизма, что *их* непосредственный враг — больше всего великорусский шовинизм»; «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству. Это — аксиома». Он имеет в виду явно не одни «желания», призывая к политике, которая «несовместима, по большей части, с законами о государственной измене». «Пролетариат не может ни нанести классового удара своему правительству, ни протянуть (на деле) руку своему брату, пролетарию “чужой”, воюющей “с нами” страны, не совершая “государственной измены”, не содействуя поражению, не помогая распаду “своей” империалистической “великой” державы». Эта программа и реализовалась.

Финансирование германским генеральным штабом большевистской партии в период между Февральской и Октябрьской революциями подтверждено столькими свидетельствами, как редко какой исторический факт. Тут и опубликованные в 1950-е годы документы германского генерального штаба, и свидетельства современников. Однако все это было лишь продолжением старой традиции. Так, в 1904 году на Международном социалистическом конгрессе в Амстердаме Плеханов¹³ заявил, что он считал бы победу царизма в войне с Японией поражением русского

народа, и под гром аплодисментов обнялся с японским делегатом Катаямой¹⁴. Аналогичные заявления делались немецкими и французскими делегатами на различных конгрессах II Интернационала перед Первой мировой войной. Но когда дело дошло до реальной войны, их марксистские убеждения оказались недостаточно последовательными. А ведь еще Маркс писал Энгельсу¹⁵: «Я вполне согласен с тобой относительно Рейнской провинции. Заглядывая в будущее, я вижу нечто, что будет сильно отдавать “изменой отечеству”; вот это для нас фатально. От поворота, который примут дела в Берлине, будет зависеть, не будем ли мы вынуждены занять такую же позицию, какую в старой революции заняли майнцские клубисты». («Майнцские клубисты» — группа немецких иллюминатов, способствовавших во время войны с революционной Францией сдаче Майнца французам, а потом агитировавших за присоединение Рейнской области к Франции.).

Выше уже приводилась мысль Ленина, что в число мер, способствующих поражению «своего» правительства, необходимо включить развал «своей» державы. И более конкретно: «Кто пишет против “распада России”, тот стоит на буржуазной точке зрения». Этот вопрос обсуждался на VII партконференции в апреле 1917 года. Там Ленин говорил: «Почему мы, великороссы, угнетающие большее число наций, чем какой-либо другой народ (? — *И. Ш.*), должны отказаться от признания права на отделение Польши, Украины, Финляндии... Если Финляндия, Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет. Что тут худого? Кто это скажет, тот шовинист». И это в то время, когда, например, самое крайнее украинское движение, Рада, добивалось только автономии в пределах России.

Логическим следствием этой политики был Брестский мир, после которого границы Советской России на Западе в основном совпали с границами теперешней, постперестроечной Российской Федерации, — оттуда они и происходят. Трудно предположить, что большевистское руководство или лично Ленин заранее рассчитывали на поражение Германии на Западном фронте, позже освободившее их от пут Брестского мира. Они скорее преувеличивали силы Германии, обычно приводя ее как пример наиболее организованного, самого передового капиталистического государства в Европе. Их истинная надежда была — так и несостоявшаяся мировая пролетарская революция.

После поражения Германии на Западном фронте и в результате Гражданской войны размеры Советской России стали быстро расширяться. Именно этот процесс, по-видимому, и дает пищу концепции «собрания Российского государства» коммунистической властью. Подобные мысли высказывались и тогда, во время Гражданской войны, но, как правило, людьми, жизнь которых была разбита разразившейся катастрофой, готовых хвататься за соломинку, принимать любую утешающую мысль (сейчас, когда наша страна переживает такого же масштаба катастрофу, мы можем очень хорошо понять подобную психологию).

Таковыми были, например, герои романа Булгакова¹⁶ «Белая гвардия». В романе Савинкова¹⁷ «Конь бледный» описывается белый офицер, проникший в Советскую Россию с целью убить Дзержинского¹⁸. Для этого он становится командиром Красной Армии и против своей воли начинает ей сочувствовать — видит, что это настоящая армия, спаянная дисциплиной. Позже, после окончания Гражданской войны, подобные взгляды высказывало целое направление — «сменовеховцы». Но это направление выросло уже на ядовитой почве эмиграции (эмиграция — страшная вещь, говорил Герцен¹⁹, испытавший ее на себе). Даже Пуришкевич²⁰ писал: «Советская власть — это твердая власть, — увы, не с того лишь боку, с которого я хотел видеть твердую власть над Россией».

В качестве показателя подобных настроений иногда приводят цифры, указывающие на значительное число дореволюционных офицеров, воевавших в Гражданскую войну в Красной Армии, рассматривая это как признание ими «государственнического» характера новой власти. Но при этом нельзя, например, забывать, что была объявлена мобилизация офицеров и что Троцкий²¹ сообщил на заседании ЦИКа в июле 1918 года: «Каждый военный специалист (так назывались тогда дореволюционные офицеры. — *И. Ш.*) должен иметь и слева и справа по комиссару с револьвером в руке». Троцкий утверждает, что сообщил Ленину про мобилизованных бывших офицеров — они должны выбирать: «...с одной стороны — концлагерь, а с другой — служба на Восточном фронте». У многих из мобилизованных в качестве заложников оставались семьи. Только учитывая все эти факторы, можно было бы попытаться оценить участие бывших офицеров в Гражданской войне на стороне Красной Армии как признак их сочувствия (хоть в какой-то степени) одной из сторон.

Но кто определенно таких мыслей не высказывал — это вожди большевистской партии (когда Ленин говорил, что «мы оборонцы с 25 октября 1917 года», то тут же оговаривался: «...та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм как отечество, за Советскую Республику как *отряд* всемирной армии социализма»). Традиция исторической, национальной России была им глубоко антипатична, их цель была — мировая революция. Одну свою речь (после Февральской революции) Троцкий закончил лозунгом: «Будь проклят патриотизм!» Один близкий Ленину человек, впоследствии эмигрировавший, уверял, что Ленин ему сказал: «Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, — это только этап, через который мы проходим к мировой революции». Но подобные высказывания можно встретить и в Собрании сочинений Ленина, например: «...интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства» (как аргумент в пользу Брестского мира).

Еще в 1919 году перед войсками Украинского фронта ставилась задача прорыва на помощь советской Венгрии. Был сформирован венгерский «Отряд Фекете». Но тогда рассчитали, что сил не хватает.

Типичным примером была война с Польшей в 1920 году. Целью ее было не нанесение удара польской армии, чтобы вернуть Польшу как часть Российской империи или отстоять Западную Украину и Западную Белоруссию. Цель была — прорваться в Германию на помощь немецкому пролетариату. Приказ Тухачевского²² гласил: «Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару... Вперед на Запад!» Именно эта установка стала одной из причин поражения. В результате 130 тысяч красноармейцев попали в польский плен. В первые же два года 60 тысяч из них умерли от бесчеловечных условий в польских концлагерях. Это была плата русской кровью за попытку разжечь мировую революцию.

Тогда же, в разгар удара по Польше, Тухачевский написал статью в форме обращения ко II конгрессу Коминтерна. Он пишет: «Война может быть окончена лишь с завоеванием всемирной диктатуры пролетариата <...>. Государство, находящееся под властью рабочего класса <...> должно создать себе достаточные силы для завоевания буржуазных государств всего мира». Для этого, «учитывая неизбежность мировой гражданской войны в бли-

жайшее время, необходимо теперь же создать генеральный штаб III Коммунистического интернационала». «Мы стоим накануне мировой гражданской войны, руководить которой со стороны пролетариата будет Коммунистический интернационал». Эта статья включена в книгу, само название которой красноречиво: «Война классов» (3). В ней говорится: «Захват государственной власти в буржуазной стране может идти двумя путями: во-первых, путем революционного восстания рабочего класса данной страны и, во-вторых, путем вооруженного действия со стороны соседнего пролетарского государства». Согласование этих двух направлений революции, изнутри и извне, и должно, по мнению автора, быть функцией Коминтерна.

Такие взгляды были широко распространены. Бухарин, например, пишет, что в мировой революции «причудливо переплетаются самые различные моменты: империалистической войны, национально-сепаратистских восстаний, гражданской войны внутри страны и, наконец, классовой войны между государственно организованной буржуазией и государственно организованным пролетариатом». «Начавшаяся эпоха революций <...> есть эпоха неслыханных классовых битв, вырастающих в *классовые войны*». Декрет, изданный в январе 1918 года, характеризует Красную Армию как «поддержку для грядущей социалистической революции в Европе».

Приписывать большевикам эпохи Октябрьской революции стремление к «собираанию России» значит ошибочно переносить на них чувства, испытываемые многими сейчас. Им-то русская историческая традиция была чужда и враждебна, виделась, по словам Ленина, как «великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями и капиталистами». Цель большевистского руководства была — мировая пролетарская революция. Как писал Ленин, «мы и начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию».

Верно ли, что Октябрьская революция реализовала основные чаяния народа? В 1917 году народ, прежде всего, был глубоко травмирован войной. Действительно, представим себе тогдашнее положение: приносятся колоссальные жертвы (1 миллион 650 тысяч убитых и умерших от ран). Как это понять рядовому солдату? Ради чего эти жертвы? Война идет среди населения, говорящего не по-русски, часто настроенного недружественно к русским

(в Польше, Литве, Галиции, Румынии). Народом она не воспринималась как «защита отечества», не апеллировала к исторически сложившимся чувствам. Вероятно, именно это имел в виду Столыпин²³, когда в письме Извольскому²⁴ писал (в 1911 году): «Война в следующем году, особенно в том случае, если ее цели непонятны народу, станет фатальной для России и династии»; «Россия выстоит и одержит победу только в народной войне». Из всех партий большевики одни призывали к немедленному прекращению войны («воткнуть штык в землю»). Это соответствовало чаяниям определенной, вероятно большой, части народа.

Но в результате Октябрьской революции вместо мира народ получил еще три года Гражданской войны. Эта война, вызванные ею эпидемии и голод унесли, по подсчетам разных историков, 13–17 миллионов человек. То есть по масштабу катастрофа далеко превосходила даже «перестройку» (если не гадать о будущем). В то же время за три года предшествовавшей мировой войны потери России (по всем причинам) составили 5 миллионов человек (включая население оккупированных территорий). И эта Гражданская война была заранее запланирована (как писал Ленин), специально разжигалась в деревне (как говорил Свердлов), ее всеми силами стремились превратить в мировую (как об этом писали Бухарин и Тухачевский).

Крестьянская война

Другим вопросом, игравшим драматическую роль в революции, был вопрос о земле. Россия была крестьянской страной: $\frac{4}{5}$ населения были крестьянами. Крестьяне страдали от безземелья. Поэтому неурожайный год сразу оборачивался голодом. На почве безземелья все время возникали крестьянские восстания, цель которых была — захват помещичьих земель. В XX веке первый взрыв крестьянских волнений был в 1902 году в Левобережной Украине. Боевой лозунг, что от безземелья крестьян спасет раздел помещичьих земель, распространяли все левые партии: кадеты и все, кто левее их. Так что после Февральской революции власть оказалась полностью в руках партий, стоящих за отчуждение помещичьих земель. Но одни партии считали, что для этого необходим декрет Учредительного собрания, другие предлагали создать комиссии для справедливого раздела. Одни большевики предлагали немед-

ленный раздел. Это и обеспечило им широкую поддержку (иногда активную, чаще — пассивную) во время Гражданской войны.

Встает основной вопрос: в какой мере крестьянское безземелье было преодолено в результате этой политики? В современном учебнике для студентов исторических факультетов (31) говорится: «Что касается общего количества перешедшей к крестьянам земли, то историки до сих пор затрудняются назвать более или менее правдоподобную цифру». Действительно, оценки очень различны. Так, в отчете Наркомзема, изданном в 1920 году, сообщается: «Специальная анкета центрального отдела землеустройства позволила установить, что увеличение площади на едока выразится в ничтожных величинах: десятых и даже сотых десятины на душу» (39).

Прежде всего необходимо оценить степень и причины крестьянского безземелья. Вот что писал Н. Д. Кондратьев²⁵:

«По данным переписи 1916 года, по 47 европейским губерниям на долю крестьянских посевов приходилось 89,2% всех посевов. Крестьянам принадлежало 93,9% всех рабочих лошадей, 94,2% крупного рогатого скота, 94,3% всех свиней. В рыночном обороте хлеба на долю крестьянского хлеба приходилось 78,4%» (4). Те же цифры приводят и другие экономисты, например Челинцев. Но, видимо, в «крестьянские посе­вы» включаются и посе­вы крестьян на арендуемой у помещиков земле, а плата за аренду ложилась тяжелым грузом на бюджет крестьянина. С другой стороны, говорит Кондратьев, «десятина земли дает пшеницы: в Англии — 138 пудов, в Германии — 121 пуд, во Франции — 79 пудов, в России — 42 пуда. Чем же это объясняется? Этого нельзя объяснить плохой природой России, плохим климатом и плохой почвой. Климат значительной и самой плодородной части Южной России не хуже климата Германии, Франции и Англии. Тепла и влаги у нас не менее, чем там. То же самое нужно сказать о нашей почве. Наш южный чернозем даже превосходит почву Западной Европы. Объяснение нужно искать в плохой обработке земли, в отсталости крестьянского хозяйства» (5). (Кондратьев происходил из мало­зажиточной крестьянской семьи, был старшим из десяти детей. Окончил церковноприходскую школу и церковно-учительскую семинарию. Сдал экзамен на аттестат зрелости и поступил в университет. Впоследствии стал крупнейшим ученым с мировым именем, открытые им «кондратьевские циклы» стали общепризнанным в мире законом экономики. Принадлежал к партии эсеров, хотя

и не был политически активным. Таким образом, его высказывания — это суждения исключительно компетентного специалиста, смотрящего на вопрос именно с «крестьянской», отнюдь не с «буржуазно-помещичьей» точки зрения.)

В цитированной статье Кондратьев считает, что имеется 56–60 миллионов десятин пригодной для земледелия помещичьей, казенной, монастырской земли, которую можно было бы разделить между крестьянами. Он считает, что если передел произвести так, чтобы обеспечить землей самых малоземельных, то можно добиться того, чтобы каждое крестьянское хозяйство имело не менее 10 десятин земли. Кондратьев считает, что это утолит немедленный земельный голод, и выступает за такой передел. С другой стороны, он подчеркивает очень тяжелое положение сельского хозяйства. Например, 36% хозяйств — безлошадные; что они будут делать со своими десятью десятинами, если их получат?

Но вот в результате революции вся земля была поделена «по черному». В другом месте Кондратьев говорит, что в 1916 году по 24 обследованным губерниям Европейской России на хозяйство в среднем приходилось 4,97 десятины пашни (5). А в статье, написанной В. П. Даниловым и Н. А. Ивницким (6; введение), то есть двумя наиболее компетентными в этой области современными специалистами, утверждается, что к 1927 году среднее крестьянское хозяйство в СССР обладало 4–5 десятинами пашни. То есть после революции размер пашни на одно хозяйство сначала (к 1919 году, согласно данным Кондратьева) упал вдвое, а за десять лет вернулся к прежним размерам. И за это было уплачено миллионами человеческих жизней и духовной травмой, сказывавшейся еще в течение десятилетий!

По-видимому, представление о необъятных помещичьих землях, раздел которых надолго сможет решить крестьянские проблемы, было пропагандистским мифом, очень умело внушенным левыми партиями (кадетами и всеми левее их). (Мы все были свидетелями аналогичного явления, когда в начале «перестройки» средства информации начали массированную атаку на «привилегии». Помню обошедшую тогда многие газеты фотографию дачи какого-то маршала, довольно потрепанной. А в то же время можно было видеть своими глазами возникающие как грибы мини-дворцы дельцов, под прикрытием этих криков делящих богатства страны.)

Но самое существенное заключается в том, что помещичьи земли были крестьянами вовсе не «получены», а отвоєваны (и то меньше

чем на десять лет) в ожесточенной трехлетней войне против новой власти.

Конфликт, возникший между новой коммунистической властью и деревней, имеет две стороны: идеологически-юридическую и практически-жизненную. *Идеологически большевики всегда были решительными противниками передачи земли крестьянам: они требовали национализации земли, передачи ее в распоряжение государства.* Еще в резолюции VII партконференции РСДРП(б) в апреле 1917 года говорится: «...означая передачу права собственности на все земли в руки государства, национализация передает право распоряжаться землей в руки местных демократических учреждений». Но прямое провозглашение и проведение такой программы вызвало бы сопротивление всей крестьянской России. Из тактических соображений Ленин соглашался пойти на временный отказ от нее: «Мы становимся таким образом — в виде исключения и в силу особых исторических обстоятельств — защитниками мелкой собственности, но мы защищаем ее лишь в ее борьбе против того, что уцелело от “старого режима”».

После прихода большевиков к власти эти взгляды нашли отражение в нескольких декретах и постановлениях. Первым и наиболее известным был Декрет о земле от 26 октября 1917 года. В нем декларировалась безвозмездная передача помещичьих земель крестьянам. К декрету был приложен наказ для руководства, составленный из 242 местных крестьянских наказов. В этом наказе говорится, что земля, перешедшая к крестьянам, поступает в «уравнительное землепользование» (этот принцип лежал в основе дореволюционной общины). Этим большевистское правительство временно отказалось от исполнения своей программы и приняло эсеровскую программу. Да и Ленин говорил на III конгрессе Коминтерна: «Наша победа в том и заключалась, что мы осуществили эсеровскую программу; вот почему эта победа была так легка». Но дело не было столь однозначно. Слова об отмене частной собственности на землю, содержащиеся в наказе, могли (как и было впоследствии) служить оправданием перехода ее под контроль государства.

Вскоре после Декрета о земле, 19 февраля 1918 года, был опубликован «Основной закон» о земле, где подтверждалась отмена «всякой собственности» на землю, недра, воды и леса. Все они передавались «трудовому народу». При этом земля для занятия сельским хозяйством отводится: в первую очередь сельско-

хозяйственным коммунам, во вторую — сельскохозяйственным товариществам, в третью — сельским обществам и лишь в четвертую — отдельным семьям и лицам.

А еще через год — 14 февраля 1919 года — издается положение ВЦИК «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию». В нем говорится, что «вся земля в пределах РСФСР, в чьем бы пользовании она ни состояла, считается единым государственным фондом и находится в распоряжении соответственных народных комиссариатов»; «Необходим переход от единоличных форм землепользования к товарищеским. На все виды единоличного землепользования следует смотреть как на переходящее и отживающее. В основу землеустройства должно быть положено стремление создать единое производственное хозяйство, снабжающее Советскую Республику». Таким образом, идея национализации, создания единого общегосударственного земледельческого хозяйства была не оставлена, а со временем формулировалась все более четко.

Конечно, средний крестьянин вряд ли следил за резолюциями партконференций, декретами и законами. Реально деревня и новая власть столкнулись в вопросе о хлебе, а конкретнее — в связи с продразверсткой. Продразверстка, то есть обязательство крестьян *продавать* определенную часть урожая, была как мера военного времени введена еще до Февральской революции, а монополия государства на торговлю хлебом была установлена Временным правительством. Особенность же продразверстки, проводившейся после Октябрьской революции, заключалась в том, что власть пыталась конфисковать практически весь хлеб, *ничего* не давая взамен. Более того, уже в мае 1918 года Свердлов огласил план внесения Гражданской войны в деревню, цитированный выше, была объявлена продовольственная Диктатура, создана продовольственная армия, издан декрет о комбедах. В Конституции РСФСР 1918 года и СССР 1922 года «кулаки» были объявлены «лишенцами». В этих условиях продразверстка приняла формы, на которые крестьяне ответили непрекращающейся чередой восстаний — крестьянской войной. Теперь, когда многие архивы рассекречены, по этому вопросу изданы сборники документов (7, 8, 9), систематические обзоры (10, II). Из них возникает картина «забытой войны», помнить которую было не нужно ни белым, ни (тем более) красным. Но которая тем не менее на какое-то время определила ход истории.

Вот несколько примеров (взятых из этих публикаций), как проводилась продразверстка. Из доклада партии эсеров в Тамбовской губернии в 1920 году: «Так как хлеба в губернии все-таки мало, то в некоторых волостях крестьяне оказываются не в состоянии даже покупкою покрыть причитающуюся с них “норму”, отдают семена, отдают оставленную для собственного потребления “норму”, а когда и этого не хватает, отказываются наотрез и молчаливо ждут наказания: “И так и так умирать, пусть стреляют”. Случаи массовых расстрелов крестьян уже были в 3–4-х местах губернии... Зарегистрировано также несколько случаев самоубийств крестьян; в одном из сел Тамбовского уезда покончил самоубийством даже местный “комиссар”-большевик, которому постановлено, под угрозой расстрела, невыполнимое требование — взять с деревни еще по 5 пудов хлеба, когда перед тем мужики уже дважды внесли эту норму».

Из сводки ВЧК: «Продотряды, согласно заявлению крестьян, безжалостно выметают все до зерна, и даже бывают случаи, где берут заложниками уже выполнивших разверстку» (в сводке это относится к «недоразумениям»). Из другой сводки: «Путем ареста, принудительных работ я заставляю их (“кулаков”. — *И. Ш.*) подчиняться необходимым распоряжениям». Вот картина того, как осуществлялась продразверстка «приехавшим в уезд (Борисоглебский) гражданином Марголиным»: «В ход была пущена порка... Порют продармейцы, агенты и сам гражданин Марголин, за что был арестован Ревтрибуналом, но по приказу из Тамбова ныне выпущен из тюрьмы с допущением к исполнению своих обязанностей. Продовольственную разверстку гражданин Марголин начинает таким образом. По приезде в село или волость он собирает крестьян и торжественно заявляет: “Я вам, мерзавцам, принес смерть. Смотрите, у каждого моего красноармейца по сто двадцать свинцовых смертей на вас, негодяев”. Затем начинается требование выполнить продразверстку, а потом порка, сажание в холодный сарай и т. п.». Из заявления Никольского волостного совета крестьянских депутатов: «...отряд с пулеметом, во главе с Пузиковым, каковой арестовал и посадил в холодные амбары несколько крестьян, наложил на них денежные штрафы, дал полчаса времени на размышление, по истечении которого неуплатчик должен был быть расстрелян. Одна женщина, не имея денег, спешила продать последнюю лошадь, чтобы выручить из-под ареста невинного мужа, и не успела явиться к назначенному часу, за что

муж ее был расстрелян». Сверх того, множество жалоб на то, что продразверстка накладывается совершенно произвольно, не пропорционально возможностям, а отобранные продукты расхищаются или не вывозятся и гниют.

Другой причиной резкого отпора крестьян была мобилизация в Красную Армию. Если судить по результатам мобилизации, то крестьянство определенно не желало воевать за большевиков: целые области отказывались подчиниться приказу о мобилизации. Например, когда в 1918 году была объявлена мобилизация в Красную Армию в Поволжье и восточнее, вплоть до Сибири, то явилось менее 20%. Такие же цифры приводятся по областям Центральной России в 1919 году. В некоторых областях число дезертиров доходило до 90%. По разным губерниям приводятся цифры в сотни тысяч дезертиров. Общее число дезертиров в Европейской России только во вторую половину 1919 года превышало 1,5 миллиона человек. Еще одной причиной были репрессии против Церкви.

Эти причины вызвали цепь крестьянских восстаний, а по существу Крестьянскую войну 1918–1921 годов по всей территории, контролировавшейся властью РКП(б). Мы сделаем очень короткий обзор ее по опубликованным в последнее время документам (7–11).

1918 год

Массовые восстания начались с лета 1918 года. В Центральной России их было не менее 300: в Смоленской, Воронежской, Новгородской, Псковской, Костромской, Петроградской губерниях. Одно было под Москвой — в Дмитровском уезде. Особенно массовым было пензенское восстание. В связи с его подавлением Ленин телеграфировал: «Необходимо произвести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Телеграфируйте об исполнении». «Крайне возмущен, что нет ровно ничего определенного от Вас о том, какие же, наконец, серьезные меры беспощадного подавления и конфискации хлеба у кулаков пяти волостей проведены Вами. Бездеятельность Ваша преступна. Надо все силы направлять на одну волость и очистить в ней все излишки хлеба». «Повторяю приказ прибывшим с экспедицией латышам остаться пока, до нового распоряжения, в Пензе. Выделяйте надежнейших из ваших восьмисот солдат и действуйте беспощадно — сначала

против одной волости, доводя дело до конца». Ленин завизировал телеграмму Цюрупы²⁶, в которой требовалось назначить по каждой волости заложников, на которых возложить обязанность собрать все излишки хлеба и вывезти его на ссыпные пункты.

Впрочем, захват заложников практиковался и безо всяких указаний. Из донесения ВЧК: «В уезде убит организатор комитета бедноты. В ответ на это в г. Череповце расстреляны заложники: кирилловский епископ Варсонофий, игуменья Ферапонтиевского монастыря Серафима...» (всего 10 человек). Из другого донесения ВЧК: «Чрезвычайные комиссии уже заблаговременно забирают заложников... в ответ на покушение на члена ЧК приговорены к расстрелу 50 заложников...» По поводу подавления восстаний сводка ЧК сообщает: «Невельская чрезвычайная комиссия совершила массу расстрелов... произвела массу арестов заложников — городской буржуазии и деревенских кулаков». Те же меры применялись и к дезертирам. Лишь в одном уезде Симбирской губернии было расстреляно до 1000 крестьян, не явившихся по мобилизации. В 40 волостях Тамбовской губернии против крестьян применялись броневики.

К концу 1918 года восстаниями было охвачено более половины территории, контролируемой большевистской властью. О потерях крестьян встречаются лишь данные по отдельным районам: расстреляно 600 человек, 750, 1200... Все эти меры не достигли своей главной цели — было собрано лишь несколько процентов намеченной продрозверстки.

1919 год

Разгоревшись в 1918 году, крестьянская война развернулась в полную силу в 1919-м. К этому времени положение центральной власти заметно улучшилось. Была разгромлена власть «Комуча» в Поволжье вплоть до Урала. В конце 1918 года капитулировала на Западе Германия и началось продвижение в глубь Украины частей Красной Армии. Но государственное давление на деревню только увеличилось. Сохранилась продрозверстка в столь же крайних формах. Монополия государства была распространена на всю продукцию сельского хозяйства, вплоть до грибов и ягод. Увеличились повинности: гужевая, трудовая, по расчистке железнодорожных путей от снега — и, как всегда, с расстрелами за невыполнение приказов. Увеличился объем мобилизации в Красную Армию.

Расширялась и Крестьянская война. Восстания с участием десятков и сотен тысяч крестьян охватили всю территорию, контролировавшуюся большевистской властью. За первую половину года сведения о них имеются по 124 уездам Европейской России. Одним из самых массовых была «чапанная война» (от слова «чапан» — крестьянская одежда) — от Поволжья до Урала. В ней участвовало несколько десятков тысяч крестьян, выдвигались командиры из числа крестьян, имевших военный опыт, создавались штабы. Был избран свой совет, издавался свой печатный орган. Причины: мобилизация, реквизиции, порки плетьюми, уничтожение икон. Подавлением руководил Фрунзе²⁷. В военных действиях убито более 1000 повстанцев, из них более 600 расстреляно ЧК и трибуналами.

Но самым драматическим эпизодом этого года был террор против донских казаков («расказачивание») и их ответное восстание. О нем скажем подробнее.

После революции в донском казачестве взяла верх позиция нейтралитета в борьбе между белыми и красными. Но вскоре Гражданская война проникла и к ним: борьба между войсками Краснова²⁸ и Миронова²⁹. Миронов не только воевал с войсками Краснова, но и помогал Красной Армии в обороне Царицына. Однако в руководстве большевиков было укоренено априорное отношение к казакам как к врагам. Например, по поводу терского казачества в обращении Народного комиссариата по делам национальностей (наркомнацем был Сталин) в 1918 году говорилось: «Первое место по заслугам перед советской властью следует отдать чеченцам и ингушам, они почти поголовно вооружены и наносят казацким бандам непоправимые удары <...> горцы борются с контрреволюционным казачеством...» По поводу донских казаков Сталин писал Ленину, что «целыми полками переходили на сторону Миронова казаки для того, чтобы, получив оружие, на месте познакомиться с расположением наших частей и потом увести за собой в сторону Краснова целые полки». На самом деле в значительной степени именно войска Миронова помогли разбить Краснова и открыли путь Красной Армии на Дон.

С этого времени (январь 1919 года) и начинается «расказачивание». Основные принципы были сформулированы в Директиве Оргбюро ЦК РКП(б) (точнее — в циркулярном письме) от 24 января. Положения этого документа были выработаны в начале января

в переписке между Свердловым и Донбюро (председатель Сырцов, обычный корреспондент Свердлова — Френкель). В Директиве предлагается:

«1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно. <...>

5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи. <...>

7. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка» (то есть оккупация).

Еще 15 января Френкель писал в ЦК РКП: «Предстоит очень большая и сложная работа по уничтожению... кулацкого казачества как сословия, составляющего ядро контрреволюции». Свердлов дал указание никакой местной власти на Дону не допускать, «руководство должно пока остаться за Реввоенсоветом фронта». Инструкция Реввоенсовета «О борьбе с контрреволюцией на Дону» рекомендует: «...обнаруживать и немедленно расстреливать: а) всех без исключения, занимавших служебные должности <...> е) всех без исключения богатых казаков <...> и лица и целые группы казачества, которые активно в борьбе с советской властью участия не принимали, но которые внушают большие опасения, подлежат усиленному надзору и, в случае необходимости, аресту» (подписи: Реввоенсовет Южфронта И. Ходорковский, В. Гиттис, А. Колегаев, управделами В. Плятт). В другой раз Реввоенсовет пишет: «Необходимы концентрационные лагеря с полным изъятием казачьего элемента из пределов Донской области». Донбюро предписывало: «1. Во всех станицах, хуторах немедленно арестовывать всех видных представителей данной станицы <...> хотя и не замеченных в контрреволюционных действиях, и отправлять как заложников в районный революционный трибунал (уличенные, согласно Директиве ЦК, должны быть расстреляны). 2. <...> В случае обнаружения у кого-либо оружия будет расстрелян не только владелец оружия, но и члены его семьи».

Инструкции воплощались в жизнь. Из письма в казачий отдел ВЦИК: «Трибунал разбирал дел по 50 в день. Смертные приговоры сыпались пачками, часто расстреливались люди совершенно невинные, старики, старухи и дети. Расстрелы производились часто днем, на глазах у всей станицы, по 30–40 человек сразу». Из письма Шолохова³⁰ Горькому: «...бессудный расстрел в Мигулинской станице 62 казаков-стариков или расстрелы в Казанской и Шумилинской <...> в течение 6 дней число

расстрелянных достигло <...> 400 с лишним человек». Военком Особого экспедиционного корпуса В. А. Трифонов (уже в июле, после начала восстания): «...в Вешенском районе были расстреляны 600 человек <...> в помещении Морозовского ревкома были обнаружены 65 изуродованных казачьих трупов». Командированный из Москвы пишет: «Расстреливались безграмотные старики и старухи, которые едва волочили ноги, урядники, не говоря уже об офицерах. В день расстреливали по 60–80 человек. Принцип был такой: чем больше вырежем, тем скорее утвердится советская власть на Дону <...>. Во главе продовольственного отряда стоял некто Гольдин. Его взгляд на казачество был таков: казаки — его враги, нагаечники, зажиточные, а посему до тех пор, пока казаков не вырежем и не заселим пришлым элементом Донскую область, до тех пор советской власти не будет». Обнаружены постановления трибуналов о расстрелах: в станице Казанской — 87 казаков, Мигулинской — 64, Вешенской — 46, Еланской — 12.

Результатом было вешенское, или верхнедонское, восстание в марте 1919 года. Восставшими была проведена мобилизация мужчин от 19 до 45 лет и создана армия в 30 тысяч штыков. Из воззвания восставших: «Восстание поднято не против Советов или Советской России, а только против партии коммунистов». Реакция коммунистических властей была такой: «Все казаки, поднявшие оружие в тылу красных войск, должны быть поголовно уничтожены, уничтожены должны быть и все те, кто имеет какое-либо отношение к восстанию и противосоветской агитации, не останавливаясь перед процентным уничтожением населения станиц, сжечь хутора и станицы, поднявшие оружие против нас в тылу» (из Директивы Реввоенсовета 8-й армии; подписи: Якир³¹, Вестник). Другие директивы: массовое взятие заложников, примерное проведение карательных мер и т. д.

В апреле Донбюро писало: «Существование донского казачества <...> стоит перед пролетарской властью угрозой контрреволюционных выступлений <...>. Все это ставит насущной задачей вопрос о полном, быстром и решительном уничтожении казачества как особой бытовой экономической группы».

Такая политика, конечно, только усиливала сопротивление казачества. К нему присоединились крестьяне Воронежской губернии и некоторые части Красной Армии. Восставшие распространяли Директиву Оргбюро как свои агитационные материалы. Были

и среди большевистского руководства голоса, указывавшие на эту связь. Но они плохо воспринимались. Еще 20 апреля Ленин писал Сокольникову³²: «Верх безобразия, что подавление восстания казаков затянулось». Он же ему 24 апреля: «Я боюсь, что Вы ошибаетесь, не применяя строгость, но если Вы абсолютно уверены, что нет силы для свирепой и беспощадной расправы, то телеграфируйте немедленно и подробно». Но 5 мая опять Сокольникову: «Промедление с подавлением восстания прямо-таки возмутительно <...> необходимо <...> вырвать с корнем медлительность. Не послать ли еще добавочные силы чекистов?» 15 мая — Троцкому: «Очень рад энергичным мерам подавления восстания». Но было уже поздно. Восстание разлилось так широко, что разгромило весь тыл Южного фронта Красной Армии, и уже в мае Добровольческая армия прорвала фронт.

Другим проявлением настроения казачества был бунт корпуса Миронова, окончившийся, в отличие от вешенского восстания, быстрой неудачей.

Летние восстания не ограничились Югом: например, тогда же были восстания в Костромской и Ярославской губерниях. Здесь из дезертиров организовалась целая армия «зеленых». 600 дезертиров, поддержанные 1500 крестьянами, вступили в бой с отрядом под командованием Френкеля. При подавлении восстания было убито 300 крестьян, расстреляно 60 руководителей, взяты заложники. За два дня боев сожжено пять селений. При подавлении восстания в Петропавловской волости тем же Френкелем было убито в бою и расстреляно 200 крестьян.

Разгром Красной Армией Добровольческой армии Деникина не ослабил давления на деревню, что и вызвало множество восстаний во второй половине года: в Пермской, Вятской, Воронежской, Костромской, Нижегородской, Ярославской губерниях. На сторону восставших крестьян переходили и части Красной Армии, состоявшей из таких же мобилизованных крестьян. Например, подняла мятеж дивизия Григорьева. Возникшее восстание охватило Херсонскую и Екатеринославскую губернии.

1920–1921 годы

Победа центральной власти в Гражданской войне была уже обеспечена. Ее противники остались только на периферии: Врангель³³ в Крыму, Польша и Дальний Восток. Но война с деревней

продолжалась. В начале года военное положение сохраняется в 36 губерниях: там шла крестьянская война. В феврале-марте вспыхивает крупнейшее восстание в Поволжье и Уфимской губернии — «вилочное восстание». Как и другие восстания, оно было вызвано проведением продразверстки — когда выгребался весь хлеб до остатка и крестьяне обрекались на голодную смерть. В восстании участвовали русские, татары, башкиры. Их армия насчитывала 35 тысяч человек (а по некоторым донесениям ЧК — 400 тысяч). При подавлении восстания применялись артиллерия, бронепоезда. По официальным данным, потери восставших — 3 тысячи человек убитыми и ранеными.

За первую половину года число дезертиров превысило 1 миллион человек. Они смешивались с крестьянскими повстанцами. Все эти формы крестьянского сопротивления назывались властью «бандитизмом». В постановлении Совнаркома «О мерах борьбы с бандитизмом» были введены «ревтрибуналы» вне фронтовой полосы: «Приговоры ревтрибуналов безапелляционны, окончательны и никакому обжалованию не подлежат». Была создана Центральная комиссия по борьбе с бандитизмом, председателем которой был назначен Склянский³⁴ (одновременно заместитель Троцкого по Реввоенсовету).

В июле крестьянская война опять вспыхнула в Заволжье и на Урале. На этот раз ее вождем стал популярный командир Красной Армии, награжденный орденом Красного Знамени, Сапожков³⁵. Движение получило название «сапожковщина». Оно охватило Самарскую, Саратовскую, Царицынскую, Уральскую, Оренбургскую губернии. Сапожковцы заняли Бузулук. Из сводки ЧК: «Была объявлена запись добровольцев, проходившая с большим наплывом крестьян. На подавление были брошены все наличные силы этого района». Ленин требовал: «...от селений, лежащих на путях следования отрядов сапожковцев, брать заложников, дабы предупредить возможность содействия». К сентябрю основные силы движения были разгромлены.

Самый известный эпизод крестьянской войны — «антоновское» (то есть под руководством Антонова³⁶) восстание в Тамбовской губернии. Собственно, крестьянская война шла в этой области с 1918 года. Особенно губительным стало положение крестьян в связи с неурожаем 1920 года. Зимой начался голод. В докладе Антонова-Овсеенко³⁷, составленном уже после подавления восста-

ния, говорится: «Уже к январю половина крестьянства голодала. В Усманском, частью Липецком, Козловском уездах голод достиг крайних пределов (жевали древесную кору, умирали голодной смертью)». В то же время в донесении ЧК констатируется: «...взимание продрозверстки, доходившее в некоторых местах Тамбовской губернии до геркулесовых столпов и своими методами не уступая методам инквизиции». На продовольственном совещании председатель губисполкома Шлихтер сказал: «Деревня поймет, что время, когда она могла не подчиняться этой власти, прошло. И как бы ни были тяжелы веления этой власти, предъявляемые деревне, она должна их выполнять».

Естественно, крестьянские восстания вспыхнули по всей области. Ленин требовал (в записке Дзержинскому и Корневу³⁸): «Скорейшая и примерная ликвидация (антоновского движения. — *И. Ш.*) безусловно необходима <...>. Необходимо проявить больше энергии и дать больше сил». Но антоновская армия насчитывала уже 10 тысяч штыков. Велась активная агитация, распространялось много листовок. К началу 1921 года число повстанцев дошло до 40 тысяч. Власти пошли на отмену продрозверстки в Тамбовской губернии. Одновременно предписывалось: «В случае повторных вспышек восстания все здоровое мужское население от 17 до 50 лет арестовывать и заключать в концентрационные лагеря».

В апреле 1921 года командовать войсками, брошенными на подавление восстания, был назначен Тухачевский — один из известнейших военачальников Красной Армии. На Тамбовщину были направлены также Уборевич, Котовский, от ЧК — Ягода, Ульрих³⁹. Была сконцентрирована армия более чем в 100 тысяч штыков. Применявшаяся тактика в документах Красной Армии и властей называется «оккупационной системой». Она включала: занятие определенной территории, контрибуции, разрушение домов как повстанцев, так и их родственников, взятие заложников (иногда целыми семьями), создание концлагерей. Из приказов Тухачевского:

«Переселять в отдаленные края РСФСР семьи несдающихся бандитов. Имущество этих семей конфисковывать»; «бандиты, участвовавшие с оружием в руках не менее месяца, и все бандиты полков особого назначения <...> подлежат расстрелу».

«1. Граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте без суда.

2. Селениям, в которых скрывается оружие... объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае неспасения оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

4. Семья, в которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший в этой семье расстреливается без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда».

«Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми удушливыми газами».

Имеется документ, детально описывающий одну такую операцию.

В ряде документов обсуждаются детали функционирования концлагерей: сообщается количество нетрудоспособных, женщин, беременных женщин, детей, грудных детей, опасность возникновения эпидемий. Вот доклад комиссии ВЦИК об исполнении этих приказов: «В Паревке <...> первые заложники в количестве 80 человек категорически отказались дать какие бы то ни было сведения. Все они были расстреляны, и взята вторая партия заложников. Эта партия уже безо всякого принуждения дала все сведения о бандитах, оружии, бандитских семействах <...>. В Иноковке, куда уполномоченный поехал из Паревки для проведения аналогичной операции и куда слух о паревской операции дошел раньше, даже не пришлось брать заложников. Население добровольно само пошло навстречу комиссии. Один старик привел своего сына и сказал: «Нате еще одного бандита»...»

Разгром «антоновщины» в основном был завершён к концу 1921 года. О масштабах репрессий говорит один пример. В селе Никольском с 8 тысячами жителей в Русско-японскую войну погиб один солдат, в германскую — 50, а за 1920–1921 годы — 500 крестьян. По-видимому, это движение произвело сильное впечатление на большевистское руководство — например, в документах для внутреннего пользования стандартный термин «бандитизм» в этом случае заменяется на «крестьянское повстанческое движение».

Другое восстание, даже большего масштаба и приблизительно в то же время, происходило в Западной Сибири: в Тюменской

губернии и в частях Челябинской, Екатеринбургской, Омской губерний. Восстание началось в январе 1921 года. Была проведена мобилизация и создана армия численностью около 100 тысяч человек. Повстанцы захватили многие крупные города, в частности Тобольск, где выпускали свою газету. Против них были брошены крупные части. В основном восстание было подавлено к апрелю 1921 года. Террор против участников восстания имел все типичные для того времени черты. Сохранились дела по обвинению несовершеннолетних (15–17 лет) в «службе у бандитов» (например, как сестры милосердия). Историк, работавший в архивах Тобольска, видел надписи, сделанные детским почерком на больших листах: «Не убивайте нас!» Такие листы вывешивались в деревнях, когда в них вступали коммунистические карательные отряды.

Мы пытались лишь пунктирно очертить контуры крестьянской войны. Не упомянуты здесь махновское крестьянское движение, длившееся три года на Украине, громадное крестьянское восстание в Карелии в 1921 году и многое другое. Главное — Крестьянская война шла по всей России все три года после Октябрьской революции. Ленин признал, что «крестьянские восстания <...> представляют общее явление для России». В результате Ленин вынужден был констатировать, что продолжение политики «военного коммунизма» «означало бы наверняка крах советской власти и диктатуры пролетариата». Ленин, писавший раньше: «...мы скорее ляжем все костями», чем разрешим свободную торговлю хлебом, вынужден был провозгласить «отступление» — нэп. Крестьянство не «выиграло» Крестьянскую войну, не установило своей власти, но «отбилась» от противника.

Выиграть войну в тех условиях крестьянство и не могло. На это рассчитывал и Ленин. Он говорил Г. Уэллсу⁴⁰: «...“Крестьяне других губерний, неграмотные и эгоистичные, не будут знать, что происходит, пока не придет их черед... Может быть, и трудно перестроить крестьянство в целом, но с отдельными группами крестьян справиться очень легко”. Говоря о крестьянах, Ленин склонился ко мне и перешел на конфиденциальный тон, как будто крестьяне могли его услышать» (12).

Но почему это безумие продолжалось три года? Почему Ленин, умевший просчитывать на столько ходов вперед, придумывать такие нетривиальные ходы, не увидел самую простейшую истину: что физически невозможно обирать крестьянство, обрекая

его на голодную смерть, когда крестьянство составляет $\frac{4}{5}$ населения страны? Да и то, что с крестьянством погибнет от голода оставшаяся $\frac{1}{5}$ населения. Почему этого не увидело окружение Ленина, состоявшее из далеко не глупых людей (хотя некоторые, осторожные, предупреждения были)? Почему вместо ленинских телеграмм, призывающих к строгости, свирепости, беспощадности, не слались другие, напоминающие, что если мужики перемрут, есть всем будет нечего? Ведь неправильно представлять себе крестьян того времени как анархическую стихию, вышедшую из берегов, которую любыми средствами надо было ограничить, чтобы спасти страну. Такую точку зрения высказал, например, Ленин Горькому: «Ну, а по-вашему, миллионы мужиков с винтовками в руках не угроза культуре, нет? Вы думаете, Учредилка⁴¹ могла бы справиться с их анархизмом? Вы, который так много — и так правильно — шумите об анархизме деревни, должны бы лучше других понять нашу работу».

Но факты этого не подтверждают, как видно из опубликованных теперь документов. Крестьяне шли на безнадежное (в каждом отдельном случае) сопротивление вовсе не потому, что не хотели вообще давать хлеб государству. Прежде всего это была оборонительная война, борьба за свое существование. Яркий пример — верхнедонское восстание 1919 года. Ведь в руках казаков оказался текст директивы, по своей свирепости превосходившей немецкий план «Ост» последней войны. Власти просто не оставляли казакам свободы выбора. Так обстояло дело и во многих других случаях. Как в тылу Колчака крестьянские восстания были вызваны новой мобилизацией, в тылу Деникина⁴² — попытками отобрать назад помещичьи земли, так и в тылу Красной Армии каждый раз — вполне конкретными причинами.

Вот причины восстаний, согласно сводкам ЧК. В 1918 году это была борьба против насильственного введения «коммун». Позже — против повинностей, полностью разрушающих хозяйственную жизнь: продразверстки, «чрезвычайного налога», гужевой повинности и т. д. Они ассоциировались с образом «коммуниста» или «коммуны». Например (в Поволжье): «Долой коммунистов и коммуны! Долой жидов!» Конкретные требования были: отмена продразверстки, хлебной монополии, свободная торговля, сдача хлеба «по известной норме с души». Крестьяне протестовали против закрытия церквей, уничтожения икон. Лозунг: «Долой

войну! Не давать солдат в Красную Армию!» — тоже легко понять: против войны только что именно большевики громче всех агитировали. А если выступающий на митинге спрашивал: «Почему Ленин приехал к нам из Германии?» — то это свидетельствовало не об «анархизме», а скорее о некоторой политической любознательности. Наконец, программа Союза трудового крестьянства, действовавшего во время антоновского восстания, является довольно стандартной для того времени программой партии левого направления.

Произошло столкновение двух несовместимых жизненных установок. С одной стороны — марксистской, социалистически-коммунистической, видящей идеал в обществе, построенном как грандиозная машина из человеческих элементов. Бухарин описал его как «трудовую координацию людей (рассматриваемых как “живые машины”) в пространстве и времени». Ленин планировал труд рабочего: «отбытие 8-часового “урока” производительной работы» при условии «беспрекословного повиновения масс единой воле руководителей трудового процесса». А с другой стороны, этому противостояло восприятие жизни крестьянина, выросшее из глубокой древности, основанное на индивидуально-творческом труде в единстве с Космосом. Ненависть к крестьянству заложена в марксизме, начиная с самых его истоков. Маркс и Энгельс называли крестьян «варварской расой», «варварством среди цивилизации», писали об «идиотизме деревенской жизни». В «Коммунистическом манифесте» говорится: «Общество все более раскалывается на два больших враждебных лагеря, на два больших, стоящих друг против друга класса — буржуазию и пролетариат». Наличие крестьянства было бьющим в глаза противоречием этой концепции. Недаром Маркс назвал крестьян «неудобным» (или «неправильным») классом. Ленин называл крестьян «реакционным классом», классом «с сохраняющимся, а равно возрождающимся на его основе капитализмом».

На IX съезде партии в 1920 году Троцкий предложил широкий план «милитаризации» экономики. Доклад был представлен от ЦК, и к тексту имеется ряд одобрительных замечаний Ленина. Идея заключалась в организации «рабочей силы» по военному образцу, в виде «тудармий». По поводу «милитаризации» на съезде развернулась оживленная дискуссия. Противником плана Троцкого выступил В. Смирнов. Но оказывается, вся дискуссия шла лишь

о том, можно ли эту форму организации «рабочей силы» применять в промышленности, к пролетариату. Троцкий говорит: «Мы мобилизуем крестьянскую силу. <...> Здесь слово “милитаризация” уместно, но, говорит т. Смирнов, если мы перейдем в область промышленности...» Вот только здесь и возникали разногласия, а по поводу крестьян все были единодушны. Да Троцкий и прямо называл крепостное право «при известных условиях прогрессивным».

Горький, в этом полностью солидарный с большевизмом, всю жизнь ненавидел мужика. Он писал: «...полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень — почти страшные люди». Он сказал Воронскому⁴³: «Если бы крестьянин исчез с его хлебом — горожанин научился бы добывать хлеб в лаборатории». Чуковскому⁴⁴: «Я... недавно был на съезде деревенской бедноты — десять тысяч морд — деревня и город должны непременно столкнуться <...> здесь как бы две расы». Чуковский пишет: «Я спросил его, о чем будет читать он. Он сказал: о русском мужике. “Ну и достанется же мужику!” — сказал я. “Не без того, — ответил он. — Я затем и читаю, чтоб наложить ему как следует. Ничего не поделать. Наш враг... Наш враг”».

Бухарин уже в период нэпа называл крестьян «курицей, которая должна превратиться в человека». Пропитанные этой идеологией партийные вожди, руководители продотрядов и военных частей и набросились на крестьян как на самых заклятых врагов, как на нелюдей. Крестьянская война была войной за существование крестьянства. Речь шла о «ликвидации крестьянства как класса». И понадобилось три года, чтобы через этот порыв ярости, сознание чуждости и даже несовместимости крестьянства и новой власти (трудно назвать ее советской властью, так как большинство ее противников в крестьянской войне тоже выступали под лозунгом Советов) пробилось понимание, что победить в тот момент вряд ли можно, а победа означала бы общую гибель. Тогда и был введен нэп, идеи которого циркулировали уже несколько лет до того. На время землю, а точнее, свое существование крестьяне защитили.

Если же говорить об «осуществлении народных чаяний», то следует вспомнить еще об одной народной нужде. Февральская революция началась из-за перебоев со снабжением хлебом. Ленин писал, что политика Временного правительства несет «гибель, немедленную и безусловную гибель от голода». Предотвратить ее может только «социализм, который один даст измученным войной

народам мир, хлеб и свободу». «Хлеб есть и может быть получен, но не иначе как путем мер, не преклоняющихся перед святостью капитала и землевладения».

Через пять месяцев после Октябрьской революции Кондратьев писал: «Вся страна хорошо помнит, что большевики, стараясь привлечь к себе народные массы, выдали им один весьма серьезный вексель: они обещали дать народу хлеб. Прошло уже пять месяцев, как они стоят у власти, и мы вправе спросить: как обстоит дело с платежом по векселю?» Он рассказывает, что сразу же после переворота «Всероссийский продовольственный съезд выделил из своего состава Совет десяти и поручил ему предложить Совету народных комиссаров оставить дело продовольствия вне политической борьбы, сохранить в этот трудный момент уже налаженный аппарат продовольственных организаций <...>. 27 ноября в здании Министерства продовольствия Совет десяти вместе с двумя товарищами министра был арестован», «а затем, когда всякая система продовольствия уже была смята, когда население сплошь и рядом совершенно не получало хлеба, вынуждено было само доставать хлеб, большевики в лице продовольственного диктатора на час — Л. Троцкого (такого знатока в этой области!) издают жестокий приказ о расстреле на месте неподчиняющихся мешочников, которые виноваты разве только в том, что хотят есть, а им не дают».

Кондратьев резюмирует: «Своим переворотом большевики хлеба не дали, а приблизили голод». Его предсказания сбылись. К хлебу стали подмешивать опилки, глину. Голод начался в 1921 году. Ему сопутствовали массовое вымирание, самоубийства, людоедство, протесты (в том числе протесты женщин), подавляемые оружием. К концу года голодало более 23 миллионов человек. По данным Прокоповича⁴⁵ (одного из организаторов Комитета помощи голодающим), от голода умерло 5 миллионов человек, беженцев было 21 миллион человек. Есть и оценки числа погибших в 2,5 миллиона человек.

Но если судить деятелей той эпохи мерками нашей, то это никак не объяснит их действий. Они совсем не были похожи на современных политиков, и прежде всего тем, что поставили на кон свои головы. Я случайно имел возможность почувствовать атмосферу, в которой они жили. Мой учитель, известный математик Б. Н. Делоне⁴⁶, учился в Киевском университете на курс старше О. Ю. Шмидта⁴⁷, известного позже как организатора полярных

экспедиций. Но по образованию Шмидт был математик. После Октябрьской революции он вступил в РКП(б) и был в ленинском правительстве замнаркомфина. После окончания Гражданской войны Делоне и Шмидт встретились и проговорили целую ночь. Как мне рассказывал Делоне, Шмидт сказал ему: «Вы не представляете себе, Борис Николаевич, что значит жить три года, постоянно чувствуя веревку на шее!» А ведь это относилось ко всей большевистской верхушке. Их психология была совершенно отлична от теперешних политиков, обещающих (искренне или нет) добиться выплаты пенсий и зарплаты, приостановить инфляцию. Их же такие мелочи не интересовали. Они, как говорил Маркс, «штурмовали небо». Они считали, что на их глазах родится новый человек и новый мир. А ведь эти слова не ими были выдуманы: «И увидел я новое небо и новую землю» (Апок 21, 1). Такого масштаба видения открывались и им, конечно, в их материалистическом и классовом восприятии. И ради них кровь могла течь реками, а люди — гибнуть миллионами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
2. Документы внешней политики СССР. М., 1960. Т. IV.
3. Тухачевский М. Н. Война классов. М., 1921.
4. Кондратьев Н. Д. Избранные сочинения. М., 1993.
5. Кондратьев Н. Д. Особое мнение. М., 1993. Т. 1.
6. Документы свидетельствуют (Сборник документов). М., 1989.
7. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД (Сборник документов). М., 1998. Т. 1.
8. Филипп Миронов (Сборник документов). М., 1997.
9. Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1919–1921 гг. (Сборник документов). Тамбов, 1994.
10. Осипова Т. В. Крестьянский фронт в Гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.
11. Козлов Л. И. Рассказывание // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.
12. Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1959.
13. Преображенский Е. А. Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства. М., 1926.
14. Ивницкий И. А. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.

15. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание (Сборник документов). М., 1999. Т. 1.
16. *Ивницкий Н. А.* Голод 1932–1933 гг.: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.
17. *Redfield R.* Peasant society and culture. Chicago, 1956.
18. Великий незнакомец (Сборник статей). М., 1992.
19. *Бухарин Н. И.* Вопросы теории и практики социализма. М., 1989.
20. *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. М., 1989.
21. *Чаянов А. В.* Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1991.
22. *Чаянов А. В.* Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. М., 1920. 4.1.
23. Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. М., 1995.
24. *Выцлан М. А.* Последние единоличники. Источниковая база, историография // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.
25. *Иеромонах Дамаскин.* Гонения на Русскую православную церковь в советский период // Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской православной церкви XX столетия. Т. 3 (в печати).
26. Трагические судьбы. М.: Наука, 1995.
27. *Глушко В. П.* Из истории начального этапа развития ракетно-космической техники в СССР // Начало. 1992. № 18.
28. *Белоконь В. А.* // Начало. 1992. № 17.
29. *Данилов В. П.* Феномен первых пятилеток // Горизонт. 1988. № 5.
30. Пятилетний план народно-хозяйственного развития СССР. Т. 1–4.
31. Новейшая история отечества. XX век. М., 1998. Т. 2.
32. Гриф секретности снят. М., 1993.
33. *Hoffann J.* Die Geschichte der Wlassow-Armee. Freiburg, 1984.
34. Источник. 1995. № 2.
35. *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Париж, 1980.
36. *Karpinski.* Poland since 1944. Boulder-Oxford, 1995.
37. Источник. 1994. № 6.
38. Дневник писателя. Январь. Февраль. Март-апрель. М., 1996.
39. *Карпович Б. Н.* Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия (1917–1920). М., 1920.
40. *Репко С. И.* Война и пропаганда. М.: Новости, 1999.

